

А что еще этот Зельдин выкинет?

60 лет спустя после «Свинарки и пастуха» он опять играет грузина. Только теперь — князя

Мы искали **Владимира Зельдина** по всему Театру Российской армии. Мнения местных обитателей относительно его местоположения разошлись: кто-то видел его на репетиции, кто-то в гримборной, кто-то в буфете. Когда мы поднялись наверх — нам сказали, что он только что ушел вниз. Однако не успели спуститься вниз — Зельдин оказался наверху, в гримерке...

Наталья СКЛЯРОВА

— **Что вы сейчас репетируете, Владимир Михайлович?**

— Это новый спектакль, очень симпатичный, называется «Ханума». В нем участвуют выпускники ВГИКа. Премьеру приурочили к моему 85-летию (в театре мы юбилей отпразднуем 3 марта). Мой герой напомнил мне того, с которого я начинал («Свинарка и пастух». — **Н. С.**). Сейчас тоже играю грузина — только уже князя. Этот князь — большой ребенок. Широкая щедрая душа, которая кутит, не думая о последствиях.

Может, будет наглостью с моей стороны выходить таким старым, с такой лысиной... Но я хочу повторить все то, что делал тогда, — «Учителя танцев» прежде всего. У меня есть уверенность (не само-, а именно уверенность), что люди меня поймут. Даю, мастерство, которое я накопил, увлечет зрителя: а что еще этот Зельдин выкинет?

— **Вы играете с молодежью, а в одном из интервью нелестно отозвались о том, что делается в театрах сейчас...**

— Есть актеры хорошие, полезные и вредные. Вредные актеры — это те, кто случайно попал в театр. Театр — это призвание. Такое же, как призвание быть врачом или хирургом. Одна медсестра сделает укол — как комар, другая — аж подскочишь.

А молодые — молодых вообще люблю, всех. От молодежи я заряжаюсь, как от аккумулятора. Молодость — великий дар, но нужно суметь не растратить ее попусту.

Современный театр... Он разрушается, остаются лишь остатки достойного. Из театра уходит трепет, аура, дух умерших. Сейчас сдаются, арендуются помещения, ходят посторонние люди. Я знаю, что по-другому нельзя, — нужны деньги. Но ведь театр — святыня, до сих пор неопознанный объект. Здесь столько тайн: свершение спектаклей, репетиции...

— **Насколько мне известно, вы не собирались быть актером?**

— Никогда. Учился в обычной общеобразовательной школе-семилетке, которая потом стала военизированной (в 1930 году мы даже участвовали в параде на

Красной площади). Учился очень плохо, приносил домой тройки, все эти математики-химии совсем не понимал. Признавал только литературу, историю и физику. Зато ходил в кружки — художественный, драматический... Я хорошо двигался, занимался спортом, хорошо чувствовал музыку, потому что семья была музыкальной, отец окончил Московскую консерваторию, мама была учительницей. В двенадцать лет поступал в хореографическое училище при Большом театре. Но отец не хотел, чтобы я танцевал. Он считал, что у меня плохое сердце, что я не выдержу больших нагрузок. И меня приняли, но сказали (подозреваю, по просьбе отца), что я обречен плестись в хвосте. Вот это было настоящей трагедией. Но потом я пришел в себя и решил поступать в военно-морское училище. Мне нравилось море, романтика! Но меня опять не взяли — на этот раз из-за зрения.

— **А в театральное училище вы как попали?**

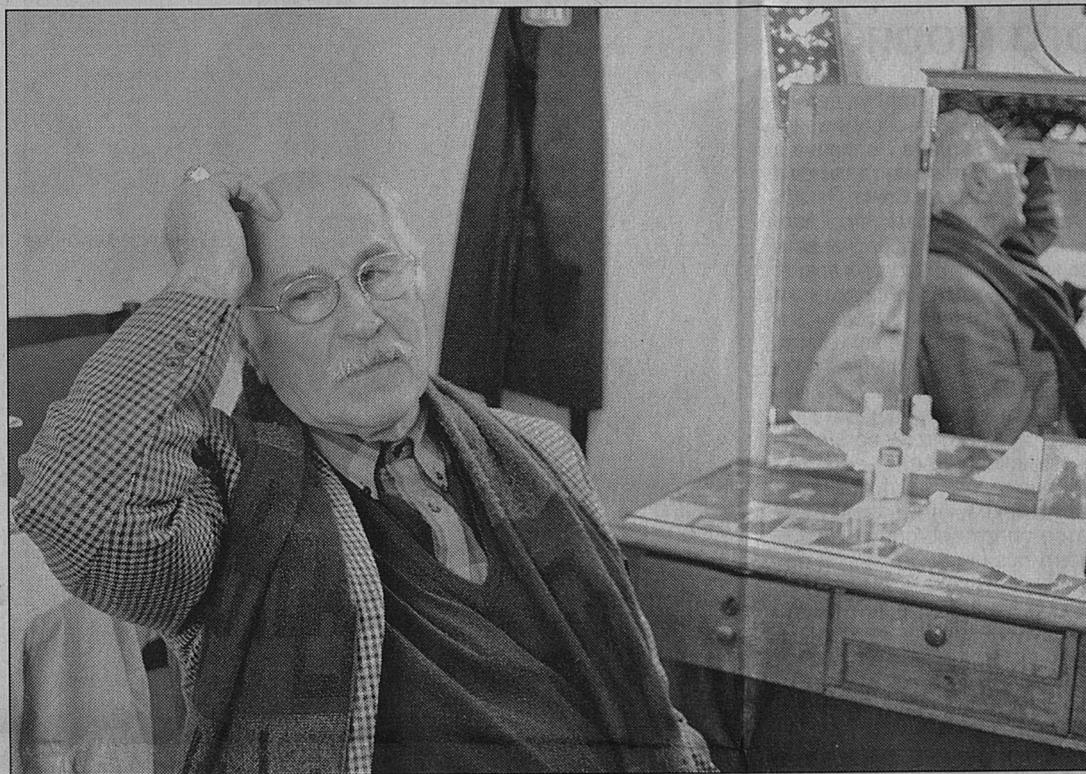
— Совершенно случайно. Шел мимо, увидел, что объявляется конкурс. Зашел, прочитал какое-то стихотворение, показал эту... А через три дня увидел свою фамилию в списках принятых.

— **А как произошла встреча с Иваном Пырьевым, который открыл для вас кино?**

— Я тогда работал в только что открывшемся Театре транспорта. И вот однажды меня пригласили показаться на «Мосфильм» к Пырьеву. Он как раз снимал «Свинарку и пастуха». На главную роль была огромная конкуренция. Были великолепные красавцы-грузины и осетины, которым не нужно было никакого грима. Но Иван Александрович хотел не бытового приземленного героя, а романтического, который всю свою жизнь проводит в горах, среди овец... Это был как раз мой образ.

— **Ваш отец дожил до вашей славы?**

— Нет. И мама не дожила. Я всю жизнь очень остро ощущал нехватку родителей. Отец умер, когда мне было 14 лет, мама — когда 17. Я был очень привязан к сестрам. У меня их было три, с младшей мы очень дружили (она была младшей из сестер, но старше меня). Но я всегда чувств-

«У меня есть уверенность, что люди меня поймут»

вовал, как счастливы те, у кого есть мама и папа.

— **«Учитель танцев» для нового поколения — прежде всего фильм, хотя сначала это был спектакль.**

— Да, экранная версия просто ужасна! Нельзя спектакль переносить в кино. Если хочешь делать кино, то пиши новый сценарий. В кино я ограничен в передвижениях, пластике. Как можно танцевать на стекле?! Сделать стеклянный разрисованный пол!

Не выношу, когда мне говорят что-то вроде «Вы звезда!». Мое поколение таких слов не знало. Но мне кажется, что для своих 85 лет я делаю то, чего другие не могут

Конечно, я танцевал, ведь сила в ногах была. Но ведь мог и лучше.

— **Правда, что после фильма «Свинарка и пастух», который прославил вас на всю страну, вы продолжали жить в гримборной Театра Красной Армии, и из одежды у вас были только оборванная рубашка и флотские брюки, в которых вы туда пришли впервые?**

— Да, я продолжал жить в гримборной.

— **Неужели никто не мог помочь?**

— Но так жил не только я. Со мной жили другие актеры, очень известные. Было тяжело — шла война. Но, вы знаете, я был сча-

стлив. Не могу описать то ощущение, когда нам раздавали пайки — вы молоды, просто не поймете... Масло, сахар, немного хлеба. Когда приходил домой и раскладывал все это, то сидел и не ел, а смотрел на еду, стараясь просидеть над ней как можно дольше, как можно дольше растянуть блаженство. И потом смаковал этот бутербродик с кусочком сахара.

— **Вы живете на 28 квадратных метрах. Не обидно?**

— Да, квартира маленькая, и садовый участка нет, хотя была тысяча возможностей попросить и сделать. Езжу на разбитой «семерке», от меня все машины шарахаются. Но меня никто не гонит, я живу спокойно. Я очень рад, что многие имеют дома, дачи, виллы, свои кабинеты, картины, огромные диваны, где можно помечтать. Хорошо, что люди так живут. Я живу другим, у меня нет кабинета, работаю исключительно на кухне: это мое любимое место. Вы знаете, чего я был всегда лишен, так это чувства зависти.

Мне просто кажется, что после войны люди были какие-то другие, светлые, хотя было разрушено много семей, много судеб. Посмотрите старые кадры, где солдаты приходят с фронта и их встречают. Невозможно пере-

дать это ощущение света. Мне сейчас очень больно, что потеряно уважение и любовь к стране, где ты родился, живешь и работаешь, приходится уничтожать, унижать себя. Посмотрите на Америку: у них ручка, кепка — везде американский флаг. Они везде рекламируют свое могущество.

— **Вертинский как-то заметил, что любой наш второстепенный актер на голову выше первостепенного западного. Насколько это верно сейчас?**

— В России сильна школа переживания, представления. На Западе не затрачивается столько энергии, сколько у нас. Они могут играть Гамлета утром и вечером. Наш же актер — нет. Потому что выложиться так, чтобы пережить Гамлета, можно только утром или только вечером. Когда сердце, душа, нервы, ум, темперамент натренированы — это уже не Гамлет.

— **Наверное, вам все задают этот вопрос, и тем не менее: как удаётся поддерживать себя столь бодрым?**

— У меня есть диван: я его собираю и разбираю — вот вам и зарядка. Еще утром и вечером по полтора-два часа гуляю с собакой. Ну а если серьезно, я с самого детства занимался спортом. Тенис, волейбол, водные лыжи, верховая езда в школе имени Буденного. У меня диплом ворошиловского всадника. Все это пригодились мне потом в «Свинарке и пастухе», да и не только там. Такова актерская профессия: никогда не знаешь,

что тебе понадобится. И потом я никогда не пил, не курил. Бокал шампанского или рюмочка водки в праздники — не больше. В театр нельзя ходить между делом или в пьяном виде.

— **После инфаркта врач разрешил вам танцевать?**

— Не разрешил. Он мне много чего не разрешил. Но зачем беречь себя? Пока дышалка есть, я работаю. Нужно трезво смотреть на себя. Не выношу, когда мне говорят что-то вроде «Вы звезда!». Мое поколение таких слов не знало. Но мне кажется, что для своих 85 лет я делаю то, чего другие не могут.

— **Вы до сих пор волнуетесь, когда выходите на сцену?**

— Это не то волнение, когда боишься, что забудешь слова. Нет, это волнение связано с огромной ответственностью, которая лежит на человеке моего возраста. Чем я могу покоришь зрителя? Огромной лысиной или лицом, утратившим прелесть молодости? Нет, только мастерством. Нужно, чтобы зритель не сказал: «Ну чего он, уже пора ему...»

— **Вам свойствен кураж?**

— Да. Мне не нужно никаких стимуляторов, рюмок коньяка и так далее. Я могу взорваться моментально — от температуры нормальной до сорока. Вот когда кураж кончится, не знаю, что буду делать.

— **Как-то раз вы сказали, что художник должен быть вне правил и идей. Вне чего — идеологии, внешних ограничений, внутренних запретов?**

— Все сразу. Свобода от любых рамок. Свобода творить, сочинять, играть. Я никогда не был ни членом партии, ни даже комсомола.

— **Проблем не возникало?**

— Лично у меня нет. Может быть, потому что за мной не было особых нарушений. Ну и благодаря успехам тоже. Никто меня ни к чему не принуждал. Я не ходил ни на какие марксизмы-ленинизмы. Многие ведь делали это сами, с удовольствием, ради карьеры. А я карьеру никогда не делал. Но, как видите, получил и награды, и медали, и орден, который мне Борис Николаевич вручил.

— **Кстати, как вы относитесь к экс-президенту?**

— Я за него голосовал. Каким бы ни оказался он теперь, я считаю, что к нему нужно относиться с уважением. Когда ребенок учится ходить, его поддерживают. Наша демократия была таким же ребенком, она делала первые шаги. Но кто ее поддержал? Мне вот нравится программа «Куклы», она сделана талантливо. Но надо понимать, насколько остро это оружие. Нельзя уничтожать все. Нельзя смотреть на мир с высокомерием.